

ПРЕДИСЛОВИЕ

Отнимать и подглядывать — это, конечно, ужасно. Нехорошо, невежливо и даже иногда наказуемо. «Не бери чужое!», «Отойди от замочной скважины!» — тысячелетиями кричат детям папы, мамы и бабушки.

Однако отнимать — это не только любимое занятие разбойников и революционеров. Без отнятия части имущества (налоги) и даже части личной свободы (социальный контракт) не бывает ни нормального общества, ни государства, даже самого что ни на есть демократического. Литература тоже отнимает. Тайну личной жизни, например. Или светлые юношеские идеалы. В обмен на что-то не менее существенное.

А подглядывать — это не только развлечение беспокойных подростков или тяжелая служба мелких стукачей и выдающихся разведчиков. Без нахального и отчасти бесстыжего подглядывания не бывает ни науки, ни искусства, и литературы в том числе.

Так вышло в моей жизни, что литературу я видел с двух сторон.

Сначала я просто читал книги, а еще раньше — мне их читали. Первую книгу — «Дети капитана Гранта» Жюль Верна — папа подарил мне на первый день моего рождения. Но потом мой папа из

Отнимать и подглядывать

артиста эстрады вдруг сам стал писателем. Мне было всего девять лет, когда он начал печатать свои первые рассказы. Я стал потихоньку узнавать и понимать, что литература — это не только книжные полки и замечательные страницы стихов и прозы. Литература — это еще и редакции, издательства, тиражи, тематические планы. Это еще и цензура — редакторская (в журнале) и государственная (в учреждении под названием Главлит). Премии. Литературная критика, а среди критиков есть друзья и враги. Союз писателей, куда надо вступить. Или не вступить... Дачный писательский поселок, где надо снять, а лучше купить или построить дачу.

То есть я довольно рано увидел, почувствовал и понял, что между текстом и литературным, так сказать, производством есть некая разница. Что литература — это не только книжная полка или школьный курс «Родная литература». Сочинения писателей и учебники, где эти сочинения объясняют детям, — это лишь верхушка, крем на торте, милый цветок на большом и довольно-таки корявом дереве.

В СССР, если кто помнит, была «руководящая роль партии и правительства в развитии литературного процесса». От этого наша литература сначала стонала, теряла лучших писателей, а потом приспособилась, что оказалось гораздо хуже и вреднее. Но и в других, в самых свободных странах литература тоже очень плотно взаимодействует с властью. Не так грубо и неприкрыто, как это было в Советском Союзе, но тем не менее.

Предисловие

Главное здесь — создание Большого Литературного Канона, национального пантеона классики, с помощью которого власть укрепляет сама себя, становится в общий ряд великого и прекрасного. Подтверждает свою несомненность в качестве совыразителя интересов нации — вместе с великими писателями. Как бы фотографируется на память, обняв статуи Корнеля и Стендаля, Шекспира и Байрона, Гёте и Шиллера... Ну и разумеется, Пушкина и Достоевского.

Власть может тасовать национальный пантеон классики во имя сегодняшних задач. Кто в XIX и XX веке был главнейшим и крупнейшим русским писателем, великим писателем Земли Русской, как говорил Тургенев? Конечно, Лев Толстой, «срыва- тель всех и всяческих масок», «глыбища», «мате- рый человечище», «зеркало русской революции», да вдобавок признанный во всем мире... Как-то раз в Америке я побывал в гостях в очень прият- ной, но уж никак не интеллектуальной семье. В этом доме было всего 2 (в скобках прописью — две) книги. Они стояли на полке в гостиной. Руко- водство по Windows и — Leo Tolstoy, “Anna Karenine”. До сих пор «Анна Каренина» возглав- ляет список мировой классики, которую не толь- ко чтут, но и читают. Но у Льва Толстого были, мягко говоря, непростые отношения с россий- ской православной церковью, его даже отлучи- ли — ну, точнее говоря, не отлучили в канониче- ском смысле слова, а холодно констатировали его отпадение от православия. В СССР это Льву Тол- стому, безусловно, записывалось в плюс. Сейчас, ясное дело, в минус. Но тем не менее можно ли

Отнимать и подглядывать

было представить себе еще десять лет назад, что столетие со дня смерти величайшего русского писателя вообще никак не будет отмечаться? И, однако, соображения политической целесообразности возобладали над историко-литературным здравым смыслом. Писателя Льва Толстого как бы нет. Есть престарелый кощунник, чей портрет лучше снять со стены, чтобы не портить позитивную энергетику. Теперь главный прозаик-классик России — консерватор Достоевский. А при советской власти этот великий писатель был задвинут в тень Толстого и даже Тургенева со Щедриным. Коммунисты не могли простить ему «Бесов» — а нынешние власти предержавшие именно за «Бесов» его и любят — эк Федор Михайлович оппозицию-то заклеил и разоблачил! А как либералов осмеял!

Даже с кристальным Пушкиным не всё так просто. Еще тридцать-сорок лет назад государство — а вслед за ним и 99% читателей, разумеется! вырваться из рамок Большого Канона может не более 1% знатоков и любителей! — итак, государство рабочих и крестьян ценило в Пушкине его декабризм, вольнолюбивую политическую лирику («Самовластительный злодей! Тебя, твой трон я ненавижу...») и шаловливый атеизм («Гавриилиада»). Что же касается стихов «Клеветникам России» или, к примеру, «В надежде славы и добра» — то школьникам очень доказательно объясняли, что написано это было едва ли не вынужденно, под тяжким прессом царской цензуры, чуть ли не под личным присмотром Николая Палкина. Иные ныне времена. Теперь патрио-

тические, государственнические и религиозные строфы считаются истинно пушкинскими, а вольнолюбие и атеизм — досадными ошибками разгульной молодости. И якобы сам поэт как бы покаялся в этих ошибках.

О, это «якобы» и «как бы»!

Любимые словечки эпохи, спутники главного слова нашего времени, а слово это — «фейк». Цифровая революция сделала весьма проблематичным доказательство любого факта. Это связано как с особенностями цифрового монтажа, так и с практической необозримостью ресурсов. На каждый пруфлинк можно дать сто контрпруфлинков, и так далее. Это открывает дотоле невиданные возможности как для злостных фальсификаций, так и для добродушных постмодернистских игр, причем разница между первым и вторым не всегда очевидна. И далее — поскольку не ясна разница между бескорыстной игрой и намеренной фальсификацией, то точно так же помаленьку стирается различие между фейком и фактом как таковыми. В цифровой среде любой факт можно объявить фейком, а любой фейк — фактом; а там уж сами разбирайтесь, спорьте, громоздите пруфлинки. Факт как научно-культурный феномен, как противовес заблуждению или вымыслу родился в конце XVI — начале XVII века, в трудах философа Фрэнсиса Бэкона и юриста Фридриха Шпее; ах, как коротка оказалась его жизнь, а смерть факта, как нарочно, пришлась на наши годы.

Псевдоисторические реконструкции стали частью литературного организма — на разных его уровнях. Власть, переоценивая литературную иерархию про-

Отнимать и подглядывать

шлых веков, говорит: «То, что вы считали правдой, отныне рекомендовано считать вымыслом». Литераторы фантазируют, но их фантазии все-речь цитируются в научных (претендующих на научность) книгах. Хрестоматийный пример — история, как Сталин и Трумэн в Потсдаме Луну делили. Шутка фантаста намертво въелась в ткань российской конспирологии. И наконец, книгоиздатели выпускают «якобы старинные книги» — не копии, не новodelы, не стилизации, а именно «как бы старину».

Современной русской литературе особенно не повезло. Она переживает сразу два кризиса. Первый — локальный, российско-постсоветский, хотя и его последствий довольно для того, чтобы полстолетия приходиться в себя, возвращаться в рамки нормальной литературной жизни, откуда нашу бедную словесность выдернули в 1932 году. Точнее говоря, в этом году — «Постановление ЦК ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций», то есть ликвидация литературных школ-групп-клубов, учреждение Союза писателей и утверждение социалистического реализма как единственного творческого метода — в этом году процесс истребления литературы был завершен полностью и окончательно. Лагерь был построен, оставалось только следить за порядком. Хотя атаки на литературу — и в виде совершенно оголтелой, нигде в мире не виданной цензуры, и в виде физической изоляции или ликвидации писателей — начались буквально через пару месяцев после Октября 1917-го.

Освобождение от цензурных запретов на рубеже 1980–1990-х годов было великим благом, но